

А. И.
КУПРИН

Избранное

Александр Иванович Куприн

Пуделиный язык

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2474685
Париж интимный: Эксмо; Москва; 2006
ISBN 5-699-17615-2*

Аннотация

«Семья Мурмановых жила уже шесть лет в Париже, выплеснутая туда гражданской войной. Она состояла всего из двух человек: мужа и жены; детей им судьба не послала. Они очень обрадовались, когда, в начале седьмого года, собралась, после долгих письменных уговоров, и, наконец, в самом деле приехала к ним в Париж сестра Евгении Львовны, Ирина, с шестилетней дочкой, Кирой...»

Александр Иванович Куприн Пуделиный язык

Семья Мурмановых жила уже шесть лет в Париже, выплеснутая туда гражданской войной. Она состояла всего из двух человек: мужа и жены; детей им судьба не послала. Они очень обрадовались, когда, в начале седьмого года, собралась, после долгих письменных уговоров, и, наконец, в самом деле приехала к ним в Париж сестра Евгении Львовны, Ирина, с шестилетней дочкой, Кирой.

Кирочка сначала дичилась в новой, чужой и непонятной для нее обстановке. Была она похожа на хорошенького дикого зверька, вроде ласки или горностаюшки, впервые вылезшего из родного дома на огромный свет божий. И любопытно, и забавно, и страшно. Зоркие глазки жадно смотрят, острые ушки чутко слушают, маленькое тельце дрожит от волнения. Но чуть раздастся скрип, чуть мелькнет тень – зверек свернулся и уже готов юркнуть в норку.

Дети каждый день растут, каждый день меняются и каждое утро просыпаются новыми людьми.

Кира весьма скоро огляделась, освоилась и обвык-

ла. Характер у нее был живой, предприимчивый, открытый и смелый. А тут еще у нее нашелся такой легкий товарищ, союзник и затейник, как дядя Аркадий: лучшего ей было не сыскать.

Ее мама пожимала плечами и говорила в нос:

– Нет, Аркадий, ты мне Киру вконец испортишь. Пожалуйста, не смейся. Я серьезно. Тебе не шесть лет, и ей не сорок, чтобы проказить вместе по целым дням!

Была она женщина высокого роста, строгая, рассудительная. Все рассчитывала и знала наперед. Как сказала, что приедет на полгода, так и прожила в Париже полгода, а потом уехала обратно в Россию. Там, видите ли, у нее осталось много дорогого: рояль, арфа, ноты, давние знакомства, любимый город, привычная квартира... Совсем ничего в ней не чувствовалось общего с младшей сестрой. Та вся состояла из доброты, ласки и очаровательной лени...

Дядя Аркадий и Кира не только тесно и нежно подружились, но от материнских выговоров стали как бы заговорщиками. Свой у них образовался язык, свои маленькие секреты, пожалуй, своя особая жизнь.

Ну, разве взрослые могли бы догадаться, что в этом милом и смешном союзе дядя Аркадий Васильевич потерял не только свое имя и отчество, но даже и родственное звание дяди? Для них двух, исключительно для них, он носил загадочное имя – Феофан.

Началось это с того, что однажды Аркадий прочитал девочке какие-то детские стишки. Они понравились. Прочитали еще раз и еще. Там, между прочим, были две смешные строчки:

С Феофаном шутки плохи:
Он не любит, если блохи.

Эти две строчки остались в памяти и так часто повторялись вслух, что взрослые вышли, наконец, из терпения.

– Да оставьте вы вашего дурацкого Феофана в покое. Надоели.

Но однажды, когда два друга, после обеда, сидели в своем любимом, уютном уголке, на широчайшем кожаном диване в гостиной, Кира вдруг вытаращила глаза – черные бусинки – и спросила:

- А почему он не любит, если?..
- Не знаю. Такой уж он непонятный человек.
- А ты его видел?
- Каждый день вижу.
- Где?
- У нас дома.
- А я его видела?
- Всегда видишь.
- А теперь?

– И теперь.

Кира закусила нижнюю губку. Потом спросила доверчивым шепотом:

– Скажи, может быть, ты сам и есть Феофан?

Дядя нагнул совсем близко к ее маленькому ушку и еле слышно шепнул:

– Да, Кирочка. Это я – Феофан. Только «им» не надо знать. Пусть это будет между нами тайна. Понимаешь?

Черные глаза девочки засияли от восторга.

– Да, да. Никому! Никогда. А ты мне позволишь звать тебя потихоньку Феофаном?

– Хорошо. Зови. Но только помни...

– О да! Мы потихоньку... От них секрет?

– Страшный секрет.

– Страшный?

– Да.

Новоявленный Феофан высоко поднял брови и низко опустил их.

– Ах, мой милый, собственный Феофан! Дай, я тебя крепко поцелую. Вот так.

Что за прелесть, когда между двумя друзьями, большим и маленьким, есть тайна, да еще и страшная. Чудо! Для всего света они были Аркадий Васильевич и Кира и лишь только наедине – Кира и Феофан.

Таких дружеских интимных делишек у них водилось много, и обоим им от них было удовольствие и радость. Точно жили они, совсем отгородившись от взрослых. Но самым увлекательным было то время, когда они научились говорить на языке черных пуделей!

Каждый день перед завтраком они ходили вдвоем гулять по аллеям и холмам того большого сквера, который разбит у подножия театра Трокадеро. На обратном пути заходили в магазины. Иногда покупали на улице дешевые, но пресмешные парижские игрушки или воздушный шар.

Каждый раз, выходя на прогулку, они заставали против ворот на мостовой старенькую зеленщицу. У нее была небольшая ручная тележка, нагруженная капустой, салатом, пучками моркови, свеклы и порея, связками петрушки. К тележке сбоку был обычно привязан большой лохматый черный пудель. Он яростно лаял, кидаясь на всех проходящих, после отдыхал, стоял, умильно щуря глаза, дрожа высунутым красным языком и часто дыша, а потом опять принимался лаять. Когда же зеленщица перевозила свою тележку с места на место, пудель влезал грудью в постромку и изо всех своих собачьих сил помогал хозяйке.

– Милый Феофан, – сказала однажды Кира, глядя на собаку. – Я догадалась, почему пудель так лает. Он

голодный и просит покушать.

– Возможно. Давай, пойдём на кухню, посмотрим для него чего-нибудь, – согласился Феофан.

Нашли кусок вчерашнего пирога с мясом. Снесли на улицу и дали пуделю. Собака вмиг его проглотила и в знак благодарности залаяла отчаянно-весело.

Так у них с этого дня и повелось: идя на прогулку, непременно захватить с собою угощение для собаки. Старушка этому не препятствовала. Как-то даже сказала Кире:

– Приласкайте его, малютка. Он очень добрый и умный.

Кира погладила пуделя. Он запрыгал на цепи и завизжал от восторга.

Случилось, что Мурманов был занят срочным делом и гулять с Кирой ему было некогда.

– Как же так, – протянула Кира надутым голосом, прижимаясь к дяде. – Как же так, Феофан? Ведь пудель на нас обидится.

– Не могу, никак не могу, Кирочка... Впрочем, ты, когда пойдёшь гулять с горничной, так возьми на кухне какую-нибудь косточку и снеси ему. Кстати, и от меня поклонись.

– Мне одной неловко, без тебя, Феофан!

– Иди, иди, милая девочка... Я не могу оторваться от работы...

Через два часа, погуляв, Кира вернулась домой. Дядя окончил занятия и ждал ее.

– Ну, что, Кира? – спросил он. – Отдала косточку?

– Да, Феофан. Он был очень доволен.

– Что же он сказал?

– Он сказал... Знаешь, Феофан, он ничего не сказал.

– Ни слова?

– Ни слова.

– Как же это так? Странно.

– Правда, странно.

– Н-да. Удивительно. Что же он делал?

– Ничего. Только хвостом помахал.

– Ага! Хвостом? Да это же и есть, Кира, пуделиный разговор. Пудели только хвостом и разговаривают.

– Хвостом? Правда, Феофан?

– Истинная правда. Ну, покажи-ка, как он сделал хвостом?

Кира быстро прочертила в воздухе указательным пальцем три длинные линии.

– Так, так и так.

Феофан обрадовался и захохотал.

– Как же ты не поняла, Кирочка? Это значит: благодарю тебя, Кира.

– А потом он еще замахал. Так, так, так, так и так.

– Очень просто: передай от меня поклон Феофану.

– Ах, как прекрасно! Феофан, а я умею говорить по-пуделиному?

– Умеешь, Кирочка. «Они», конечно, не умеют, а мы с тобой будем свободно разговаривать.

– Да? В самом деле? Ужасно хорошо! Ну, вот, например, что я сейчас сказала?

Она с увлечением начертила в воздухе несколько невидимых линий.

– Очень ясно: «Феофан, принеси мне сегодня вечером шоколадок». Верно?

– Не совсем, Феофан. И эклерку.

– Ах, правда, ошибся. Шоколадок и пирожное эклер.

– Вот, это так. А теперь скажи ты что-нибудь.

– Изволь. Раз, два, три, четыре. Поняла?

– Поняла. Это значит: «будем всегда говорить по-пуделиному, а нас никто из „них“ не поймет».

– Да. Ну, однако, пойдем завтракать, Кира, а то «они» рассердятся...

С тех пор и вошел у Феофана с Кирой в моду пуделиный язык. Оказалось, что на нем было говорить гораздо удобнее и приятнее, чем на человеческом, а главное, этот язык богаче, чем человеческое слово. На нем было возможно передавать вещи, совсем недоступные человеческим средствам.

Взрослые скоро обратили внимание на эти таин-

ственные беззвучные переговоры.

Раз за обедом Ирина Львовна сказала в нос:

– Аркадий и Кира, что это вы все тычете пальцами в воздух? Что за новое дурацкое занятие?

Аркадий, под очками, широко и удивленно раскрыл глаза.

Кирочка же сказала, сделав губки трубочкой:

– Я ничего, мама, я так себе, играла только.

И она обменялась с Феофаном быстрым лукавым взглядом.

Тетя Женя добродушно рассмеялась.

– Я на днях возвращалась домой и вдруг вижу картину. Стоят они оба, Аркадий и Кира, перед собакой... Знаете, тут у зеленщицы есть такой черный пудель? Стоят и делают пальцами какие-то заклинания. Я подумала, уж не с ума ли они оба сошли, или, может быть, разговаривают на собачьем языке?

Но Кира возразила с усиленной наивностью и с упреком:

– Тетя Женя, разве же пудели разговаривают? Как тебе это в голову пришло?

И опять два мгновенных, искрящихся смехом взгляда.

– Аркадий, Аркадий, – вздохнула Ирина Львовна. – Совсем ты мне испортил вконец мою Киру. Что я с ней буду делать в Петербурге?

Твердый был характер у Ирины Львовны, а слово ее – крепче алмаза. Как порешила покинуть Париж поздней осенью, так и стала в начале октября собираться в дальнюю дорогу. Ни милое гостеприимство Мурмановых, ни уговоры Аркадия Васильевича, ни просьбы тети Жени, ни Кирочкины слезы не переломили ее сурового решения. Вышло даже так, что уехала она с Кирой на три дня раньше, чем сама назначила. Причиной этой спешки был все тот же удивительный пуделиный язык.

Приехала однажды к Мурмановым очень важная знакомая барыня, Анна Викентьевна (для нее нарочно были заказаны к обеду устрицы, лангусты, дичь и цветы. Она любила изысканный стол). Была эта дама очень, даже чрезвычайно полна (Кирочке все хотелось обойти ее кругом: сколько выйдет шагов, – но не осмелилась). На груди у нее не висела, а лежала, как на подушке, большая брошка из синей эмали с золотом. Когда Анна Викентьевна говорила, то брошка подпрыгивала у нее на груди, а говорила она много, быстро, громко, без передышки и других не слушала.

За обедом Кире было скучно: говорила дама все про взрослое, про неинтересное. Потом она обиделась: Феофан, против обыкновения, совсем не уделял ей внимания. Он не отводил глаз от Анны Викентьевны и только в такт ее речи то кивал, то покачи-

вал, то потряхивал головой, выражая то удивление, то сочувствие, то согласие. А Кире уже давно не терпелось задать ему один очень важный и неотложный вопрос и, конечно, на пуделином языке. Поэтому, пользуясь редкими секундами, когда лицо Феофана случайно обращалось в ее сторону, Кира принималась быстро чертить пальцем ломаные линии, но из осторожности делала это в самом уменьшенном виде, на пространстве между носом и подбородком.

И вдруг, позабыв всякую сдержанность, она сказала громко, с огорчением и упреком:

– Да дядя же Аркадий! Я тебе все говорю, а ты все не видишь. Смотри! – И она проворно начертила: – Раз, два, три, четыре, пять.

– Оставь, Кирочка, – отмахнулся рукой Мурманов. – Потом когда-нибудь. Теперь я ничего не понимаю. И не время.

Кирочка потеряла душевное равновесие и точно с горы покатилась:

– Нет, время! И ты отлично понимаешь. Я тебя спрашиваю: почему у этой толстой тети на груди прицеплена синяя тарелочка? Чтобы ей суп не капал на платье? Да?

Все замолкли, опустив глаза на скатерть. Наступила тишина. Наконец, Анна Викентьевна сказала необычайно нежным, но дрожащим голосом:

– Какая милая девочка! Какая острая и воспитанная! Она у вас далеко пойдет.

При этом лицо у нее было цвета темного кирпича.

Обед закончился не особенно весело, и после него дама очень скоро уехала. Ну, и попало же обоим – и дяде и племяннице – от Ирины Львовны за пуделиный язык! Дядя Аркадий был умный и хитрый: он все помалкивал, а Кира сорвалась и наругала:

– И ничего я дурного не сделала. С подвязанной тарелкой вовсе удобнее, чем с салфеткой, а дама твоя глупая, толстая и противная. Вот тебе!

На это последовал краткий военный приговор:

– В угол носом. Марш!

И рука мамы, с вытянутым пальцем, указала место наказания.

– И пойду! – отрезала Кира, мотнув стриженной головенкой. – А твоя дама – дура!

В гостиной, между шкафом и любимым кожаным диваном, где стояла «в угол носом» Кира, было полутемно, свет проникал туда из столовой. Неразборчиво доносились до Киры из тетиной комнаты голоса старших: сердитый мамин, спокойный дяди Аркадия, лениво-ласковый тети Жени. Потом взрослые затихли. Чьи-то осторожные шаги послышались в гостиной. Подошел дядя Аркадий и молча стал рядом с Кирой, которая уже успела заплакаться.

– Что, Феофан? – прошептала девочка.

– Да вот, пришел постоять с тобою в углу носом.

Обое мы виноваты: и я и ты.

Кира глубоко, в несколько раз, вздохнула, как всегда вздыхают дети после слез.

– Мама очень сердитая?

– Нет, ничего. Отошла. Только, вместо субботы, собирается ехать завтра.

Девочка просунула ручку под дядин локоть и прижалась к нему.

– Мне жалко тебя, Феофан. Мне тебя очень жалко. Давай в последний раз поговорим по-пуделиному. Ну, смотри, что я написала на стенке?

– Знаю. «Феофан, ты обо мне будешь всегда помнить?»

– Верно. Теперь ты пиши...

– Зачем писать? Ты и так знаешь, что никогда не забуду.

– Ну, будет вам, дети, шушукаться, – слышался сзади спокойный голос Кириной мамы. – Идите на воздух, прогуляйтесь немного. Завтра рано вставать.

Так и уехала Кира, славная девочка, буйная голова, доброе сердце, знаток пуделиного языка. Дядя Аркадий очень был огорчен разлукой, но держался крепко, как настоящий мужчина. Только осунулся и побледнел немного.

Спустя некоторое время встретился он на улице с одним своим приятелем. Встречи их в громадном Париже были редки, но радостны для обоих. Как и всегда бывало в этих случаях, зашли они в испанскую бodega (род маленького трактира) и спросили себе по рюмке хереса. И еще у них было привычное обыкновение: готовить друг для друга редкие строки из неисчерпаемого Пушкина, которого они оба любили всей душой.

Приятель Мурманова читал торжественным голосом:

Стамбул гяуры нынче славят,
А завтра кованой пятой,
Как змия спящего, раздавят,
И прочь пойдут – и так оставят:
Стамбул заснул перед бедой.

Но тут и обожаемый Пушкин не помог, и душевный разговор не вязался.

Уже настало время проститься. Замолчали. И вдруг Мурманов голосом, проникнутым глубокой печалью, произнес:

– Бедный я, одинокий я Феофан!

Приятель поднял голову. В голубых глазах Мурманова, под стеклами, дрожали слезы.

– Аркадий Васильевич, милый, что с вами?

Вот тут-то Феофан и рассказал мне всю эту историю, которую, в неполном и несовершенном виде, передаю здесь.